

*Ю.Г. Кадькалов, Э.П. Кадькалова
(Российская Федерация, г. Саратов)*

ФРАГМЕНТЫ МНОГОАСПЕКТНОГО АНАЛИЗА АББРЕВИАТУР В ИССЛЕДОВАНИЯХ Д.И. АЛЕКСЕЕВА

В настоящее время имеется уже довольно много работ об аббревиации как в русском языке, так и в других языках. Но по-прежнему особое место среди них занимают работы крупнейшего исследователя в этой области – профессора Дмитрия Ивановича Алексеева. Он создал свою концепцию русской аббревиации, объединяющую целый комплекс вопросов как частного, так и общетеоретического характера. Среди них, например, такие, как:

- о происхождении и этапах развития аббревиации;
- о соотношении графических и лексических аббревиатур;
- о семантическом и деривационном соотношении аббревиатур с исходным полным словосочетанием («производящим словосочетанием»);
- об отношении аббревиатур к слову;
- о месте аббревиатур в лексической и грамматической системах языка, об их парадигматических и синтагматических связях;
- о родовой принадлежности аббревиатур;
- о склонении аббревиатур;
- об отношении аббревиации к словообразованию;
- об аббревиатурных морфемах («абброморфемах»);
- о словопроизводственном потенциале аббревиатур;
- о структурных типах лексических аббревиатур;
- о тематических группах лексических аббревиатур и их динамике в истории русского языка;
- о структуре слога в аббревиатурах;
- о месте ударения в аббревиатурах;
- о произношении аббревиатур;
- о месте русских лексических аббревиатур на международном экране, об интернациональном и национальном характере аббревиации в языках мира и др.

Многие из названных вопросов, исследованных Д.И. Алексеевым, прокомментированы нами в [Кадькалова, Кадькалов 2008; Кадькалова, Кадькалов 2009].

В данной статье мы коснемся отдельных аспектов концепции Д.И. Алексеева.

Об исторической динамике русской аббревиации.

Говоря о возникновении и развитии аббревиации, Д.И. Алексеев подчеркивал, что «современные системы аббревиации не могли возникнуть внезапно, на голом месте; они явились результатом многовекового развития и совершенствования древних систем» [Алексеев 1979: 10]¹.

Различают графическую и лексическую аббревиацию. При этом некоторые лингвисты не видят существенных, качественных различий между этими двумя видами сокращений. Д.И. Алексеев не отождествляет их, но и не считает совершенно изолированными. Он не раз подчеркивал, что графическая аббревиация принадлежит не языку, а письму и этим существенно отличается от аббревиации лексической.² Однако быть разным – это не значит быть разграниченным.

По словам Д.И. Алексеева, «на самом деле в истории аббревиации обнаруживается диалектическое единство непрерывности развития и качественных перебоев» (с. 14). «Лексическая аббревиация во многих отношениях порождение графической» (с. 15).

В истории русской (славянской) аббревиации, по мнению Д.И. Алексеева, отчетливо выделяются три этапа. «1 этап – графический, с применением системы титлованных сокращений. Его протяженность – примерно 800 лет, от начала славянской письменности до начала XVIII века» (с. 14). В аббревиации первого этапа Д.И. Алексеев выделяет еще два периода: период титловой аббревиации (X-XIV вв.), когда главное место среди сокращений в тексте занимает сакральные (священные) слова, и период словотитловой аббревиации (XV-XVII вв.), когда сокращению подвергались любые слова, оформлявшиеся с помощью выносных букв. Титло – это знак над словом (обычно сакральным), сокращенным без вынесения букв: *бѣ, дхѣ, хсѣ*. Словотитло – знак (дужка), который ставился в словах с выносными (надстрочными) буквами (над выносной буквой), обычно в словах несакральных (слѣвеса, все^м). Впоследствии, особенно в скорописи, словотитло над выносными буквами устраняется: (всяки^х). Выносные буквы – это средство для укорочения, сжатия строки. Таким образом, если в титловой аббревиации сокращаемой единицей было слово, то в словотитловой аббревиации единицей сокращения является строка. Строка не является единицей языковой, но она является единицей письма. Причинами развития словотитловой аббре-

¹ Далее ссылки на это издание приведены в тексте в круглых скобках с указанием номера страницы.

² «По своей сути графическая и лексическая аббревиация – явления разноплановые. Первая – явление графическое (орфографическое), но не языковое. Вторая, как и всякое словообразование, относится к языковым фактам» (с. 104).

виации Д.И. Алексеев называет стремление к экономии писчего материала (до-рогостоящего в то время) и стремление к экономии времени.

«2 этап – графический, с применением точечных сокращений. Протяженность примерно 200 лет, от начала гражданского шрифта (XVII век) до XX века (до Октябрьской революции)» (с. 14). Точечная система может сочетаться с титловыми знаками и словотитловыми: *въ^нтъ^к*. – ‘в пяток, т.е. в пятницу’, *въ сре^д.*, *же^н* и *жен.*, *проч.* Точечные сокращения могли различаться по оформлению. Это могли быть сокращения, использующие одну точку, точку в сопровождении запятой, двоеточие: *кон.*, *руб.*, *въ ѿ^де* – ‘в 8-й день’, *ф^в: ѿ:* – ‘февраля 8-го’.

«3 этап – лексический, с применением системы словообразовательной аббревиации» (с. 14). Лексическая аббревиация обретает активное развитие только в 20-х гг. XX в. Это основной пласт аббревиации.

Итак, от аббревиатур титловых и словотитловых к аббревиатурам точечным и лексическим (основным, словообразовательным). Первые ушли в историю (в связи с множеством событий в развитии письма и задач письменной речи), вторые (типа *т.е.*, *и пр.*, *и проч.*) и третьи (особенно активные) представлены в современном русском языке.

Отстаивая тезис об исторической связи графической и лексической аббревиации, об их диалектическом единстве, Д.И. Алексеев приводит следующие доводы:

1. Лексическая аббревиация, как и аббревиация графическая, обычно использует в качестве строительного материала либо инициалы, либо начальные части сокращаемых слов. Этот признак проходит через все виды аббревиации.

2. В истории русского языка выработался единый стандарт для всех разновидностей сокращений с обязательным согласным в исходе. Сокращения этого типа имеем и в «точечных» сокращениях (*кон.*, *руб.*, *род.*, *гвард.*, *экз.* и под.), и в сложносокращенных словах (*испол-ком*, *команд-арм*, *сов-нар-ком*). «Первые подобные структуры корнями уходят в XI век, ср.: *не^д* – ‘неделя’, *ева^г* – ‘евангелие’, *су^б* – ‘суббота’ и др.» (с. 15-16).

3. Очень показательно, что «первые лексические аббревиатуры XIX в.», по наблюдениям Д.И. Алексеева, «появляются именно в тех тематических областях, которые наиболее густо были заселены графическими сокращениями» (с. 15)³.

4. Все виды сокращений – графических и лексических – во все периоды развития письменности и языка подчинены принципу языковой экономии, хотя

³ О тематических группах лексических сокращений, выделенных Д.И. Алексеевым, см. [Дмитрий Иванович Алексеев. 2009: 32-36].

и не только. Это общий принцип, который сосуществует в разных случаях с разными частными принципами.

5. Все виды сокращений – графических и лексических – реализуются волей говорящего (пишущего). Здесь нет момента стихийности. Интересы слушающего (читающего) «обеспечивают регламентацию сокращений (и условных знаков) ... удерживают от злоупотребления сокращениями» (с. 13).

Таковы, по Д.И. Алексееву, основные аргументы в пользу «диалектического единства/ непрерывности» модели аббревиации: «титловая – точечная – лексическая».

Структурные типы русских лексических аббревиатур.

При классификации аббревиатур по их структуре Д.И. Алексеев придерживался в основном традиционного подхода, намеченного (хотя и с некоторыми расхождениями) во многих предшествовавших работах (А. Мазона, Е.Д. Поливанова, А.М. Селищева, А.М. Сухотина, В.Ф. Алтайской, И.К. Зборовского, В.В. Виноградова, И.В. Устинова, А.М. Финкеля и Н.М. Баженова, Б.М. Яцимирского, А.Н. Кожина и нек. др.) и закрепленного затем в грамматиках, в том числе в академической «Грамматике русского языка» 1952 г.

В качестве классификаций существенно иных Д.И. Алексеев упоминает классификацию В.М. Никитина (25 типов аббревиатур) и Н.В. Гяча [Никитин 1946; Гяч 1971].

Предпочтение традиционной классификации Д.И. Алексеев отдает потому, что она «исполнена с позиций говорящего» и «учитывает исходную структуру аббревиатур, т.е. что и как в них было усечено при конструировании сокращенного названия» (с. 199). Разумеется, здесь возможен ряд вопросов – и в первую очередь: всегда ли классификация аббревиатур «с позиции говорящего», а значит, с позиций их «этимологии» («что и как в них было усечено при конструировании») отвечает их современному восприятию (и реальному языковому статусу). Интересно, что Д.И. Алексеев иногда говорит об «упрощении» аббревиатур (типа *вуз, загс*) и о превращении их в нечленимые корни. И тем не менее специфика аббревиатурной лексики (её небольшая история, большое количество одноразовых и незарегистрированных в словарях слов, практическое отсутствие внутренней формы, особенно у аббревиатур типа *ЦДУ, ЦДФ, ЦДТЭС* и под.), по-видимому, исключает последовательное разграничение «этимологической» и «синхронической» методики при изучении данного явления.

Д.И. Алексеев называет 2 основных типа и от 4 до 6 (учитывая колебания автора) подтипов аббревиатур (с. 10): 1. сложносокращенные слова и 2. инициальные аббревиатуры. Среди сложносокращенных слов разграничиваются:

1.1. слоговые сокращения (условное название, отнюдь не всегда ориентированное на слог): *партком, местком* и под.;

1.2. частичносокращенные слова: *физкультура, профсоюз* и под.;

1.3. телескопические слова: *бионика* – биология + электроника, *ситалл* – стекло + кристалл;

1.4. усечения: *спец., зам.*

Среди инициальных аббревиатур выделяются: 2.1. буквенные: *ЧК* [че-ка], *МТС* [эм-тэ-эс];

2.2. звуковые: *вуз, ГЭС*;

2.3. акронимы⁴: *альфоль* – алюминиевая фольга, *мэлан* – малоэластичный лавсан, *лавсан* – лаборатория высокомолекулярных соединений Академии наук [Алексеев 1968; 1979: 10].

В монографии Д.И. Алексеева 1979 г. предложена и другая (вторая) схема структурных типов аббревиатур, которая не противоречит первой схеме, а как бы уточняет, дополняет её. Здесь выделяются 3 типа аббревиатур (с. 199-206). Это:

1. Инициальные аббревиатуры:

1.1. буквенные (*ЦК, МТС*);

1.2. звуковые (*ГЭС*);

1.3. смешанные, буквенно-звуковые: *ЦДСА* – Центральный дом Советской Армии. Иногда с двояким произношением: *АНТ* (самолет) – [ант] и [а-эн-тэ]; *РОВД* (отдел) – [ровд] и [ро-вэ-дэ].

2. Слоговые аббревиатуры.

Термин «словые» – это условный термин. Строительным материалом аббревиатуры является «не слог в собственном смысле (хотя и это возможно: *про-раб, ком-со-мол* и пр.), а усеченная основа, кусок основы» (с. 202). «Условность термина «словые» особенно заметна применительно к таким «слогам», как *агит-, испол-, пролет-, универ-* и под.» (с. 202).

3. Смешанные аббревиатуры:

3.1. Инициально-словые:

а) слог + инициалы (*главный комитет* → *главк*);

б) инициалы + слог (*государственное издательство* → *ГИЗ*);

в) инициалы + слог + инициалы (*театр рабочей молодежи* → *трам*);

⁴ Акронимия – «свободное конструирование (как бы выдумывание) «красивых» аббревиатурных корней, достаточно своеобразных (со своим лицом) и в то же время позволяющих создавать открытые словообразовательные ряды, ср.: *радар* (*надар, ладар...*), *лазер* (*мазер, фазер...*), *лавсан, ситалл* и др.» (с. 305).

г) слог + инициалы + слог (*геомин* ‘Институт геологии и минералогии’:
гео ← геологии, *м* ← минералогии, *ин* ← институт).

Инициально-слоговые аббревиатуры – это плод контаминации двух истинно аббревиатурных способов словопроизводства: инициального и слогового.

3.2. Частичносокращенные слова:

а) слог + слово (*стенгазета, профсоюз*);

б) слово + слог (*домзак* – дом заключения). Промежуток между аббревиацией и словосложением.

Кажется, именно в этом акценте состояла главная цель уточнения схемы структурной классификации аббревиатур. Движение от словосочетаний к аббревиатурам в системе языка имеет своим следствием движение от аббревиации к словосложению и далее – к словосочетанию (*Всесоюзный научно-исследовательский институт нефти (и) газа* → *ВНИИНГ* → *ВНИИНЕФТЕГАЗ* → *ВНИИ «Нефтегаз»*). Мысль интересная: о неисчерпаемости творческого потенциала языковой системы и ее регулирующей силе. С этих позиций структурные типы аббревиации в работах Д.И. Алексеева предстают перед нами как своего рода языковое поле – со своим центром (это слоговая аббревиация), ближней периферией (инициальная и инициально-слоговая аббревиация) и дальней периферией (частичносокращенные слова) – зона перехода к словосложению. Ср. замечания Д.И. Алексеева о «тяготении» русской аббревиации к ее центральной модели – слоговой в его монографии 1979 г. (с.204-205).

О склонении русских лексических аббревиатур.

«Вся масса аббревиатур в русском языке распадается на склоняемые и несклоняемые с многократным превосходством вторых над первыми» (с. 291).

По наблюдениям Д.И. Алексеева, аббревиатурная склоняемость в современном русском языке по-разному представлена в разных группах аббревиатур.

1. Частичносокращенные аббревиатуры имеют либо «безусловную» склоняемость (*стенгазета* – *стенгазеты, стенгазете...*)⁵, либо смешанную парадигму, объединяющую как склоняемые, так и несклоняемые формы (*комфронта* – *он комфронта, у нашего комфронта*; но: *с новым комфронтом*).

2. Слоговые аббревиатуры на согласный (*колхоз, Минздрав*) относятся «к абсолютно склоняемым словам», хотя их «абсолютная» склоняемость сформировалась не сразу: на первых порах допускались многочисленные отступления (типа *по выбору главкосев, в распоряжение командарм* и под.).

⁵ К характеристике собственно аббревиации, по словам Д.И. Алексеева, такая склоняемость «имеет лишь косвенное отношение» (с. 291).

3. Инициальные аббревиатуры на согласный (*вуз, МХАТ, ТЭЦ*) по их отношению к склонению могут быть в целом определены как альтернативные слоговым. Склоняемость многих из них не была в прошлом и не стала до сих пор вполне последовательным их свойством. Склоняются далеко не все инициальные аббревиатуры на согласный. А среди способных склоняться «не более 10% можно отнести к абсолютно склоняемым, остальные представляют факультативно склоняемые слова» (с. 293). Одной из помех для развития последовательно склоняемых стала необычность инициальных аббревиатур, выразившаяся в необычности, искусственности их письменного оформления: запись прописными буквами и часто (в 1920-е годы) с точками после прописных букв (*В.У.З., В.Ц.И.К.*). Возникли колебания в склонении многих подобных аббревиатур (по выбору говорящего/ пишущего): *он артист МХАТ, он артист МХАТа*. Это и есть факультативная склоняемость. При утрате прописной буквы легче развивалась склоняемость (*вуз, загс, нэп, дом*). Склоняемость или несклоняемость инициальных аббревиатур на согласный стала использоваться в качестве стилистической маркировки: склоняемость – показатель сниженной речи, и наоборот (*связан с МАППом, испрошен для Вхутемаса*. Ср. также: *бровь рассекши о земную сферу, воротимся к РСФСРу*. Н. Асеев).

Отношение русских инициальных аббревиатур к склонению в XX веке не было постоянным. Однако в целом становление этого признака у инициальных аббревиатур на согласный (хотя процесс этот по-разному развивался в разные периоды: 1918-1930, 1940-1950, 1960-1970 гг.) шло по пути утверждения их факультативной склоняемости и тенденции к сознательному выбору на практике их «несклонения». По наблюдениям Д.И. Алексева, в 1960-70 гг. все найденные им случаи обращения говорящих/ пишущих (в основном пишущих) к склонению таких аббревиатур обусловлены осознанными соображениями коммуникативной целесообразности: недостаточностью данного контекста (необходимостью выразить падеж морфологически во избежание двусмысленности), желанием уйти от «грамматических контрастов» (ср.: *у команды СКИФ, но: у команды рижского СКИФа*), желанием выразить оттенок стилистической сниженности или отрицательной оценки с помощью не вошедшей в широкий обиход аббревиатурной формы (ср.: *статс-секретарь МИД, но: бесполезно, конечно, спрашивать об этом в таком МИДе*) и др.

4. Инициальные аббревиатуры на гласный. «В 1920-е годы, в период «всеобщей склоняемости» были попытки «приучить» к склонению аббревиатуры на -а и отчасти на -о. Склоняли слова *Чека, Роста, ЦеКа* и др.)... К 1940-м годам склонение аббревиатур на -а прекращается не только в литературной ре-

чи, но и в просторечии» (с. 300). Аббревиатуры на -о типа *ГОЭЛРО, АМО* (вероятно, не без влияния неаббревиатурных несклоняемых слов типа *бюро, депо, домино, пальто*) не попали в число склоняемых. Абсолютно несклоняемыми были и остаются и другие аббревиатуры на гласный: *НИИ, СМУ, НЗ* [энзэ] и под.

Такова картина склоняемости/ несклоняемости русских лексических аббревиатур в представлении Д.И. Алексеева.

XX век был насыщен большими социальными переменами в стране, отразившимися и на состоянии русского языка. С начала XX века и особенно после Октябрьской революции 1917 г. в русском языке началось бурное развитие аббревиации. «В первые же послеоктябрьские месяцы, – писал Д.И. Алексеев, – вводится в обращение значительное количество наименований, как правило описательных и многословных: ведь в самом названии требовалось отразить новую сущность. <...> Определениями обрастают даже, казалось бы, самые обычные названия лиц. В учреждениях отныне работал не просто *служащий*, а *советский служащий* (*совслужащий*, разг. *совслуж.*; ср.: *совторгслужащий*), на дипломатической работе – не *посол* или *посланник*, а *полномочный представитель* (*полпред*, ср.: *торгпред, военпред*), в армии – *красный командир* (*краском*) ...» (с. 70-72).

В последующие годы XX века процесс пополнения языка аббревиатурными неологизмами был весьма активным. И все-таки «какова же дальнейшая судьба аббревиатур в языке?» – ставил вопрос Д.И. Алексеев.

Прогнозы многих лингвистов прошлых лет, по его наблюдениям, были весьма пессимистичными. В 1920-1930-е годы часто «утверждалось, что аббревиатуры – временное явление в русском языке, что они вот-вот исчезнут или полностью или частично» (с. 313). «Высказывания нашего времени более завуалированы, – пишет Д.И. Алексеев. <...> Практический вывод, однако, сохраняется: ненужное это дело – аббревиатуры. Поменьше бы их». Однако «язык в целом ни в малейшей степени не проявил тенденции к общему уменьшению аббревиатурных номинаций» (с. 314).

Действительно, в XXI веке, как мы видим, рост аббревиатур разных типов все более увеличивается. Расширяется спектр их структурных типов и круг их тематических групп. Многие аббревиатуры появляются в большом количестве в профессиональной речи. Они оказываются понятными лишь очень узкому кругу лиц. Ср.: *ТМОЯ* – ‘теория и методика обучения русскому языку’, *НОШУРЯ* – ‘научные основы школьного учебника русского языка’, *ОНД* – ‘основы научной деятельности’, *ПМТФ* – ‘прикладная математика и техническая физика’. Аббревиация – это один из самых продуктивных способов лексической конденсации в современном русском языке.

Своеобразие объекта исследования, масштабность материала и многоаспектность анализа аббревиатур в работах Д.И. Алексеева буквально погружают мысль читателя в вопросы общей теории языка/ речи/ коммуникации и, конечно же, самого явления аббревиации. Это обширный круг вопросов (о содержании традиционного понятия «уровневая система языка» и положении аббревиатур в этой системе (слова? морфемы? сокращенные синтаксемы?); о «контурах новой модели языка»⁶ и месте аббревиатур в этой модели; о масштабах языкового/ речевого творчества говорящих/ пишущих и неизбежных на него ограничениях – казалось бы, вопреки «закону экономии речевых усилий»; о взаимодействии процессов/ результатов устной и письменной речевой коммуникации; о возможных исторических преобразованиях коммуникативных единиц – вплоть до изменения их функций и др.), стимулирующий явно возрастающее внимание к научному наследию Д.И. Алексеева.

Библиографический список

1. Алексеев Д.И. Сокращенные слова в русском языке. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1979. 327 с.
2. Гяч Н.В. Вопросы лексической аббревиации (на материале немецкого и русского языков): Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1971. 297 с.
3. Дмитрий Иванович Алексеев. Мемориальное издание. Самара: Издательство «Самарский университет», 2009. 247 с.
4. Кадькалова Э.П., Кадькалов Ю.Г. Дмитрий Иванович Алексеев (1918 – 1988). Русская аббревиация: масштабность того, что казалось незначительным и второстепенным // Дмитрий Иванович Алексеев. Мемориальное издание. Самара: Издательство «Самарский университет», 2009. С. 30-52.
5. Кадькалова Э.П., Кадькалов Ю.Г. Из истории русской дериватологии. О научном наследии лингвистов Поволжья (советский период). Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. 160 с.
6. Никитин В.М. Сложносокращенные слова в русском языке, их структура и правописание // Ученые записки Рязанского пединститута. 1946. № 4. С. 37-59.
7. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: О некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7-20.

⁶ Ср.: «Если попытаться обозначить общее отличие современных моделей языка от моделей предшествующего периода, то одной из наиболее существенных черт будет, по-видимому, отчетливая смена теоретических приоритетов – с переходом от «системы» к «узусу» и от «языка» к «речи». ... Современные исследователи стали все больше призывать лингвистику изучать факты, а не конструкты, рассуждать о свойствах наблюдаемых явлений, а не о свойствах моделей» [Плунгян 2008: 8].